

ДОН НИГРО

РЫБАК НА

ОЗЕРЕ ТЬМЫ

Дон Нигро
Рыбак на озере тьмы

«Автор»

2007

Нигро Д.

Рыбак на озере тьмы / Д. Нигро — «Автор», 2007

Дон Нигро «Рыбак на озере тьмы/ Angler in the Lake of Darkness». 10 актеров (4 женских и 6 мужских ролей). Пьеса – вся жизнь Льва Николаевича и Софьи Андреевны от сватовства до смерти, полная любви и уважения к главным героям. Одна из лучших пьес Дона.

Содержание

Действующие лица	6
Декорация	7
Действие первое	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дон Нигро

Рыбак на озере тьмы

«Фратеретто зовет меня и говорит, что Нерон – рыбак на озере тьмы. Молись, дурачок, и остерегайся злого духа».
Эдгар в «Короле Лире», действие третье, картина шестая.

Действующие лица

ТОЛСТОЙ – в возрасте

ГРАФИНЯ – его жена, в возрасте

ЛИЗА – ее сестра/ДЕРЕВЕНСКАЯ ДУРОЧКА

СОНЯ – ГРАФИНЯ в молодости

ЛЕВ – ТОЛСТОЙ в молодости

ТУРГЕНЕВ/ЧЕХОВ

ТАНЯ – старшая дочь

МАША – средняя дочь

САША – младшая дочь

ТАНЕЕВ/ЧЕРТКОВ

Декорация

Простая декорация представляет собой все одновременно, включая поместье Толстого в Ясной Поляне, железнодорожную станцию в Астапово, и другие места в начале двадцатого века, когда ТОЛСТОЙ – уже старик, и раньше, когда ТОЛСТОЙ и ГРАФИНЯ были ЛЬВОМ и СОНЕЙ. У авансцены справа письменный стол и стул, в глубине сцены справа, поленница, доска-качели. По центру – диван. В глубине сцены слева – кровать, у авансцены слева – деревянная скамья. Другие стулья, табуреты, скамьи, если необходимо. Два окна в заднике, справа и слева от двери по центру задника, но сцена практически пустая, без стен, артисты могут выходить на сцену и уходить с нее практически в любом месте и в любое время, чтобы обеспечивать непрерывность действия от одного момента к другому, что критически важно. Прошлое и настоящее легко накладываются одно на другое, персонажи находятся в одном психологическом пространстве, хотя живут в разные времена. Находясь на сцене, актеры должны всегда оставаться в образе, не застывать. Картины перетекают одна в другую без пауз и разрывов, декорация неизменна, никаких затемнений по ходу действия. Непрерывность движения пьесы – ее неотъемлемая часть.

Действие первое

(В темноте тикают часы и стрекочут цикады. Появляется круг света от лампы, которую держит ГРАФИНЯ, входя в дверь по центру задника. Она идет к письменному столу и начинает что-то лихорадочно искать. Через какое-то время ТОЛСТОЙ возникает в дверном проеме и выходит в свет. Грозного вида старик, наблюдает за ГРАФИНЕЙ. Она стоит спиной к нему и не подозревает о его присутствии).

ТОЛСТОЙ. И что это ты такое делаешь, черт побери?

ГРАФИНЯ. Ой! Ах!! Господи, ты напугал меня до смерти. Я чуть не выпрыгнула из панталон. Подумала, что ты – крестьянин, который пришел, чтобы нас убить.

ТОЛСТОЙ. Крестьяне не собираются нас убивать.

ГРАФИНЯ. Они застрелили садовника.

ТОЛСТОЙ. Садовник выстрелил себе в ногу. Они пытались взять немного овощей. Пусть берут.

ГРАФИНЯ. Если ты раздашь все, что будут есть наши дети? Нам придется жарить крыс и варить суп из обоев.

ТОЛСТОЙ. Почему ты роешься на моем столе глубокой ночью?

ГРАФИНЯ. Искала что-нибудь почитать.

ТОЛСТОЙ. Ты искала мои дневники.

ГРАФИНЯ. Так они для чтения и предназначены, так? Но я не могу их найти. Куда ты их запрятал?

ТОЛСТОЙ. Тебе обязательно постоянно что-то выискивать в моих дневниках?

ГРАФИНЯ. Если ты не хотел, чтобы я читала твои дневники, почему сам мне их показывал? Ты ведь не отдал их Черткову?

ТОЛСТОЙ. Не хочу я в это влезать. Уже поздно. Пошли в постель.

ГРАФИНЯ. Я не могу спать. Хочу полистать твои дневники. Где они?

ТОЛСТОЙ. Даже если я отдал Черткову несколько моих дневников, чтобы он их переписал, тебе какое для этого дело?

ГРАФИНЯ. Это моя работа – переписывать твои дневники.

ТОЛСТОЙ. Ты ненавидишь мои дневники. Всегда ненавидела. Чего они вдруг не дают тебе покоя?

ГРАФИНЯ. Потому что они и мои.

ТОЛСТОЙ. Они не твои. Мои.

ГРАФИНЯ. Они обо мне.

ТОЛСТОЙ. Они обо мне, и если не принять меры для их сохранения, после моей смерти они могут потеряться. Ты этого хочешь?

ГРАФИНЯ. Нет, этого хочет Чертков. Твоей смерти. Он и его друзья рыщут вокруг, как гиены, ждут, когда ты умрешь, чтобы тут же украсть твои дневники. Почему ты не позволяешь мне хранить их? Что, по-твоему, я с ними сделаю? Сожгу?

ТОЛСТОЙ. Однажды ты пригрозила, что уничтожишь их. И что мне теперь думать?

ГРАФИНЯ. Если я их уничтожу, как мне удастся заработать на них деньги?

ТОЛСТОЙ. Мои дневники существуют не для того, чтобы зарабатывать на них деньги. Они принадлежат Богу.

ГРАФИНЯ. Ты думаешь, Черткова волнует Бог? Чертков поклоняется Сатане. Я думаю, Чертков и ЕСТЬ Сатана. Он хочет заграбастать все. Он уносил твои старые рукописи и переправлял в Англию. А теперь ты хочешь, чтобы я отказалась от твоих потиражных, чтобы Черт-

ков и твои издатели богатели, а твои дети голодали? Что ж, я не собираюсь этого допустить, ты меня понимаешь?

ТОЛСТОЙ. Ради Бога, успокойся. Ты разбудишь Сашу.

ГРАФИНЯ. Да, нельзя нам будить Сашу, эту свирепую цепкую собаку, ревностно охраняющую дневники своего отца. Мы не можем допустить, чтобы она расстраивалась из-за нас. Я – ее мать, а она командует мною, как служанкой.

ТОЛСТОЙ. Соня, пожалуйста, успокойся и пойдем в постель.

ГРАФИНЯ. Какая тебе разница, пойду я в постель или нет. Только не говори мне, что тебе чего-то хочется. Быть такого не может. С этим покончено, так? С этими отвратительными совокуплениями. Скатертью дорожка, вот что я могу об этом сказать.

ТОЛСТОЙ. Случалось, тебе очень даже нравилось.

ГРАФИНЯ. Нет больше таких случаев. Не желаешь ты меня. Тебе нужна та крестьянская девка, которую ты пользовал за поленницей. Та, что кормила твое отродье в коровнике.

ТОЛСТОЙ. Вновь про отродье. Всегда про отродье. Мы даже не знаем наверняка...

ГРАФИНЯ. Ты не знаешь наверняка? Ты, который всегда во всем уверен? Он – вылитый ты. Такой же нелепый нос, напоминающий куриный зад. Если ты так и не признал, что ты – его отец, мог бы, по крайней мере, дать ему образование. Вместо этого оставил невежественным крестьянином, корчующим пни и сажающим картошку.

ТОЛСТОЙ. С каких это пор ты озаботилась благополучием моих незаконнорожденных детей? Раньше использовала его лишь как дубину, чтобы вновь и вновь бить меня по голове. И выращивать картофель лучше, чем читать о картофеле.

ГРАФИНЯ. Будь я твоим незаконнорожденным сыном, мне бы хотелось оставить этот выбор за собой.

ТОЛСТОЙ. Я думал, работа на земле принесет ему больше счастья. Мне бы точно принесла.

ГРАФИНЯ. Ложь. Ты всегда лжешь. И всегда был мастером предательства. Ты разбил сердце моей бедной сестры, бросив ее.

ЛИЗА (*выбегает на сцену, юная девушка из другого времени и места, тогда как ГРАФИНЯ и ТОЛСТОЙ, остаются на сцене и наблюдают за ней*). Соня! Он здесь! Лев Николаевич здесь! Господи, Господи, он здесь!

СОНЯ (*появляется с другой стороны сцены, ГРАФИНЯ в юном возрасте*). Хорошо, он здесь. Тебе обязательно визжать, как недорезанной свинье?

ЛИЗА. Сегодня он собирается сделать мне предложение. Я это знаю. Чувствую. Ой, Соня, что мне делать? Что мне делать?

СОНЯ. Только не обмочись. Это первое. Если любишь, выходи на него. Если нет – не выходи.

ЛИЗА. Думаю, я его люблю.

СОНЯ. Ты не уверена?

ЛИЗА. Не знаю. Мой мозг как в огне. Как я могу сосредоточиться, если в голове все пылает?

СОНЯ. Ради Бога, перестань бегать взад-вперед, как пастушок на швейцарских часах. Меня начинает тошнить. Сядь. (*Толчком усаживает ЛИЗУ на диван*).

ЛИЗА (*вскакивает, словно черт из табакерки*). Не могу сидеть. Слишком взволнована. Ну почему ты упомянула тошноту? Меня сейчас вырвет. (*Слышен собачий лай*). Он поднимается по ступеням. Собака всегда лает, когда он поднимается по ступеням. Не могу думать. Голова идет кругом. Меня сейчас вырвет. Я знала, не следовало мне есть последнюю стопку оладий. А если меня вырвет на Льва Николаевича, когда он будет делать мне предложение? Что он обо мне подумает?

СОНЯ. Он подумает, что тебя от него тошнит.

ЛИЗА. Соня, ты должна мне помочь.

СОНЯ. Меня в это не впутывай.

ЛИЗА. Умоляю тебя. Поговори с ним. Задержи его. Заговори. Ты это умеешь. Найди ему дело, пока я соберусь с мыслями и выблую эти олады.

СОНЯ. Не хочу я с ним говорить. Что мне ему сказать?

ЛИЗА. Мне все равно, что ты ему скажешь. Скажи, что угодно. Поговори о белках. Однажды он поделился со мной, что его очень интересуют белки. Просто не дай ему уйти. Если придется, перегороди дверь своим телом. Пообещай мне, Соня. Пожалуйста, если ты меня любишь. Задержи его до моего возвращения. Обещаешь?

СОНЯ. Ну, хорошо.

ЛИЗА (*крепко обнимая ее*). Спасибо, Соня. Огромное тебе спасибо.

СОНЯ. Я не могу дышать.

ЛИЗА. Я тоже.

СОНЯ. Ты ломаешь мне ребра.

ЛИЗА (*отпуская ее*). Ты – самая лучшая в мире сестра. И мне без разницы, что там говорит мам а. Я должна тебя поцеловать. (*Целует, хотя СОНЯ и пытается увернуться*).

СОНЯ. Только не наблужай на меня.

ЛИЗА (*хватается за живот*). Господи. Олады! Да благословит тебя Бог, Соня. (*Убегает, прижав руку ко рту*).

СОНЯ. Что за глупышка!

ЛЕВ (*выходит на сцену за спиной СОНИ. ТОЛСТОЙ в молодости*). Лиза? Ой, добрый день, Соня. Я принял вас за Лизу. Слышал ее голос.

СОНЯ. Лиза сейчас занята. Возникло что-то срочное. Мне приказано развлекать вас до ее возвращения, но, к сожалению, я прогуливала уроки по жонглированию, аккордеон мой в подсобке, вместе с маргышкой, поэтому, может, вы просто посидите, глядя на собаку?

ЛЕВ. Вообще-то, Соня, я пришел, чтобы повидаться с вами.

СОНЯ. Со мной? С чего это вам захотелось повидаться со мной? Полагаю, вы хотите знать, любит ли вас моя сестра, а если вы предложите ей стать вашей женой, ответит да или нет? Что ж, очень сожалею, но нет у меня желания метаться между вами, как бильярдный шар в плохой французской пьесе. Со всем этим вам каким-то образом нужно определиться самостоятельно.

ЛЕВ. Это правда, Соня, сегодня я пришел сюда, чтобы сделать предложение.

СОНЯ. Да, она невероятно глупая девушка, но, насколько я могу сказать, безумно влюблена в вас, поэтому я ожидаю, что вы будете удостоены привилегии прожить в несчастье многие и многие годы, пока одному из вас не повезет с отходом в мир иной. Поздравляю.

ЛЕВ. Я пришел не для того, чтобы сделать предложение Лизе.

СОНЯ. Но вы, пожалуйста, решите это для себя. С неопределенностями моя сестра не в ладу. И если вы все-таки сочтете необходимым предлагать руку и сердце, мой вам совет, не опускайтесь на колени прямо перед ней. Оставьте себя место для маневра на случай, что слово «да» сорвется с ее губ не первым.

ЛЕВ. Я пришел сюда, чтобы сделать предложение вам.

СОНЯ. И что вы собираетесь мне предложить?

ЛЕВ. Стать моей женой, естественно.

СОНЯ. Вы хотите жениться на нас обеих?

ЛЕВ. Нет. Только на вас.

СОНЯ. Вы хотите жениться на мне?

ЛЕВ. Да.

СОНЯ. Вы шесть месяцев ухаживаете за моей сестрой, а в последнюю минуту приходите к выводу, что жениться хотите на мне?

ЛЕВ. Я знаю, предполагалось, что я женюсь на Лизе. Мне пора жениться, Лиза – красавица и возраст соответствующий, вот наши семьи и предполагали...

СОНЯ. И Лиза предполагала. Вы подводили ее к этому предположению.

ЛЕВ. Я окажу вашей сестре большую услугу, не женившись на ней.

СОНЯ. То есть вы хотите жениться на мне и тем самым спасти мою сестру от вас?

ЛЕВ. Я хочу жениться на вас, потому что в мыслях моих только вы. Каждый день я прихожу сюда и провожу время с Лизой, а вы всегда здесь...

СОНЯ. Только потому, что маменька велела не оставлять вас с ней наедине ни при каких обстоятельствах. У графа Толстого неоднозначная репутация, сказала она. Я не знаю точно, как это понимать, но спорить с маменькой – все равно, что читать Пушкина бульдогоу. И вы казались вполне счастливым в компании Лизы.

ЛЕВ. Да, я вроде был с ней вполне счастлив, поэтому думал, что люблю ее, но однажды вы заболели, мы остались вдвоем, и к полному своему изумлению я обнаружил, что совершенно несчастлив и сказать мне ей нечего. Так что жаждал я вашей компании, а не ее. И чем больше я об этом думал, тем отчетливее понимал, что жениться я хочу именно на вас. Вы именно та, с кем я могу говорить. Лиза мила и очаровательна, но вы совсем другая.

СОНЯ. Что ж, премного вам благодарна.

ЛЕВ. Поймите меня правильно. Вы тоже милы и очаровательны, но помимо этого у вас у вас есть кое-что еще. Ум.

СОНЯ. Ум есть и у Лизы.

ЛЕВ. Я уверен, что есть, но...

СОНЯ. Моя сестра совсем не глупа.

ЛЕВ. Я не говорил, что она глупа. Разумеется, она не глупа. Только вы глупы в гораздо меньшей степени, чем она. Я только хочу сказать...

ЛИЗА (*возвращается, ослепительно радостная*). Вот и я. Надеюсь, Соня не утомила вас скукой.

ЛЕВ. С Соней мне никогда не скучно.

ЛИЗА. Она может уморить, если захочет. Соня способна на многое, это так, Соня?

СОНЯ. Может, мне оставить вас наедине?

ЛЕВ. Я только что попросил Соню стать моей женой.

СОНЯ. В смысле, он только что спросил меня, может ли он жениться на тебе.

ЛИЗА. Почему ему потребовалось твое разрешение на женитьбу на мне?

ЛЕВ. Лиза, мы с Соней любим друг дружку.

СОНЯ. Он говорит, что мы любим тебя.

ЛИЗА. Знаете, вы оба жениться на мне не можете.

ЛЕВ. Никто из нас жениться на тебе не хочет. Разумеется, я глубоко тебя уважаю и питаю к тебе самые теплые чувства...

ЛИЗА. Ничего не понимаю. Может мне выйти и войти снова?

ЛЕВ. Я только что попросил у Сони ее руки.

ЛИЗА. Ты хочешь жениться на ее руке или на всем остальном тоже?

ЛЕВ. Мне она нужна вся, до последнего сантиметра.

СОНЯ. Господи!

ЛИЗА. На тебе? Он хочет жениться на тебе? Он долгие месяцы играет со мной, а однажды поднимается по лестнице, проходит мимо собаки и говорит мне, что хочет жениться на моей сестре. Ах, ты, маленькая потаскуха!

СОНЯ. Я не потаскуха. И ничего об этом не знала.

ЛИЗА. Значит, ты не собираешься выходить за него?

СОНЯ. Я такого не говорила.

ЛИЗА. Так ты СОБИРАЕШЬСЯ выйти за него?

ЛЕВ. Я стану счастливейшим из смертных.

СОНЯ. Не хочу я делать его счастливейшим из смертных.

ЛИЗА. Спасибо, Соня.

СОНЯ. Но я за него выйду.

ЛЕВ. Слава Богу.

СОНЯ. Но только для того, чтобы спасти от вас Лизу. Нет у меня сомнений, что человек, способный на такое безобразие, недостоин моей сестры.

ЛИЗА. Меня сейчас опять вырвет.

ЛЕВ. Лиза, я надеюсь ты простишь нас и останешься нашей подругой.

ЛИЗА. Соня, пожалуйста, скажи своему жениху, что он может идти прелюбодействовать с козой.

СОНЯ. Лев, моя сестра хочет, чтобы вы совершили прелюбодеяние с козой.

ЛИЗА. Что же касается тебя, шлюха, я могу сказать тебе только одно.

СОНЯ. Ты не собираешься блевануть на меня, так?

ЛИЗА (*бросается на сестру с диким криком*). А-А-А-А-А-А-А! (*Начинает душить*).

ЛЕВ (*пытаясь оттащить ЛИЗУ от СОНИ*). Лиза, прекрати. Твоя сестра совершенно не причем. Вина только моя.

ЛИЗА. Да, тебя я задушю следующим.

ГРАФИНЯ (*пока трое борются*). Бедная Лиза. Ты поступил с ней ужасно. Я до сих пор чувствую ее пальцы на своей шее.

ТОЛСТОЙ. Если ты так волновалась о сестре, почему не отказала мне?

ГРАФИНЯ. Я не хотела тебе отказывать. Я любила тебя. Я всегда любила тебя. Думаешь, мне было легко держать это в себе, когда моя сестра долгие месяцы днем и ночью тараторила только о тебе?

(*ЛВУ удается оторвать ЛИЗУ от СОНИ*).

ТОЛСТОЙ. Лиза все-таки поняла.

ЛИЗА. Я покончу с собой. Суну голову под мельничный жернов, чтобы ее раздавило.

СОНЯ. Сможешь ты это сделать после свадьбы?

ЛИЗА. Я тебя проклинаяю. Я проклинаяю вас обоих и вашу женитьбу. (*Плюет перед ними на землю, рисует в воздухе крест*). Ваша женитьба плохо закончится.

СОНЯ. Все заканчивается плохо. За исключением Девятой симфонии Бетховена. И перестань плевать на ковер. Ты выросла среди верблюдов?

ЛИЗА. О-О-О-О-О! О-О-О-О-О-О-О! МЕНЯ СЕЙЧАС ВЫРВЕТ! МАМЕНЬКА! МАМЕНЬКА! (*Она убегает, зажав рот. Рвет ее за сценой. Слышны соответствующие звуки*).

СОНЯ. Вам придется за это заплатить. Вы понимаете, Лео?

ЛЕВ. Вы сказали «да». Я до сих пор не могу поверить, что вы сказали «да».

СОНЯ. Разумеется, я сказала «да». Или вы думаете, я допустила бы, чтобы моя сестра вышла за такого человека? Как бы я смогла с этим жить?

ЛЕВ. Ох, Соня! (*Подбегает к ней, страстно целует*).

СОНЯ. Придержите лошадей, граф. Мы еще не женаты.

ЛЕВ. Я не могу ждать.

СОНЯ (*ей удается вырваться из его объятий*). Я пошлю слуг, чтобы они привели вам козу.

(*Убегает. ЛЕВ бросается за ней, передумывает, идет к письменному столу, достает из ящичков дневники*).

ГРИФИНЯ. Тебе так хотелось затащить меня в постель, что ты едва выдержал неделю между предложением руки и свадьбой. Если бы я позволила, ты бы овладел мною на этом диване.

ТОЛСТОЙ. И что? Диван был очень удобным.

(СОНЯ возвращается, определенно разочарованная тем, что ЛЕВ не бросился в погоню, садится на диван).

ГРАФИНЯ. А потом, когда мы наконец-то пережили крики и заламывание рук Лизы и маменьки, и я думала, что начинается наша счастливая совместная жизнь, ты дал мне свои дневники, чтобы я их прочитала.

СОНЯ. Что ты делаешь, Лев? Что это у тебя?

ЛЕВ (*сгибается под тяжестью дневников*). Соня, я считаю, что мы должны говорить друг другу только правду, если хотим жить вместе долго и счастливо.

СОНЯ. Конечно, Лев. Я с тобой полностью согласна.

ЛЕВ. У нас не должно быть никаких секретов. Поэтому я хочу, чтобы ты прочитала мои дневники. (*Вываливает грудю ей на колени*).

СОНЯ. Твои дневники?

ЛЕВ. Для того, чтобы знать, какой я сейчас, ты должна понимать, каким я был.

СОНЯ. Ох, Лев, для меня это так много значит. Ты доверяешь мне свои сокровенные мысли и мечты. Я прочитаю все с величайшей радостью и благоговением, обещаю тебе. Открывает один дневник и начинает листать.

ГРАФИНЯ. Все человеческие взаимоотношения с самого начала несут в себе зернышко неизбежного конца. Зернышко нашего уничтожения мы посадили этими дневниками.

СОНЯ (*читает*). Сегодня работал над романом, изучал татарский язык, поупражнялся в джигитовке, проиграл в карты восемьсот рублей, потом поехал в Пятигорск и переспал с крестьянкой. Блондинкой с большой красивой грудью и зелеными глазами.

ТОЛСТОЙ. Не может быть настоящей любви без абсолютной честности.

СОНЯ (*читает*). Вчера вновь побывал в борделе Севастополя. Рыжеволосая девица с мощными бедрами и остроконечными сосками, которые мне так нравилось сосать. Сегодня совокуплялся с двумя украинками-сестрами на сеновале. У одной были на удивление густые лобковые волосы.

ТОЛСТОЙ. Именно правда освобождает нас и дарует двум человеческим существам возможность любить.

СОНЯ (*читает*). Думаю, опять подхватил триппер. В борделе в Казани, от косоглазой румынки, которая скакала, как норовистая кобыла.

ГРАФИНЯ. Как ты мог дать мне эти дневники? Как мог это сделать?

ТОЛСТОЙ. Тебе предстояло стать моей женой.

ГРАФИНЯ. Тебе было за тридцать. Мне – восемнадцать. Я была невинна, как котенок. Ты попросил моей руки, а через три дня передал мне толстую стопку своих дневников, в которых в мельчайших подробностях расписывал свои совокупления с крестьянками в стогах сена, визиты в бордели и венерические заболевания, ожидая, что это поможет нам в нашей совместной жизни?

ТОЛСТОЙ. Я думал, если ты будешь знать обо мне все, в долгосрочной перспективе это самое лучшее.

ГРАФИНЯ. Что ж, теперь мы в конце долгого пути, по-прежнему вместе и впереди маячит финишная черта. Ты по-прежнему думаешь, что это было самое лучшее? Ты по-прежнему думаешь, что самое лучшее – это позволить невинной девушке прочитать про твои совокупления с косоглазой румынкой, которая скакала, как норовистая кобыла.

ТОЛСТОЙ. Секреты отравляют любовь.

ГРАФИНЯ. А правда ее убивает.

ЛЕВ. Я надеюсь, Соня, мои дневники не слишком шокировали тебя.

СОНЯ. Что ж, я полагаю... Я полагаю, молодые мужчины ходят в такие места. И делают такое. До свадьбы. Я полагаю, что понимаю это, а если не могу понять, по меньшей мере, ценю твою честность.

ЛЕВ. Спасибо, Соня. Для меня это так много значит.

СОНЯ. Но эта крестьянка. Аксинья. Ты исписал сотни страниц о ней, о ее груди, бедрах, ягодицах, о звуках, которые она издает, когда ты... занимаешься с ней этим делом, о ребенке, которого ты зачал...

ЛЕВ. Я полагал бесчестным скрывать такое от моей жены, учитывая, что девушка по-прежнему работает в доме.

СОНЯ. Она по-прежнему работает в твоём доме?

ЛЕВ. Конечно. А где еще ей быть?

СОНЯ. Ты ожидаешь, что я буду жить в одном доме с этой женщиной?

ЛЕВ. Кем я буду выглядеть, если выгоню ее?

СОНЯ. Кем выгладит тот, кто все время прелюбодействует в борделях, а в коровнике заваливает на сено молочниц?

ЛЕВ. Человеком со множеством недостатков, который хочет стать честным и порядочным и быть верным и любящим мужем.

СОНЯ. Я не буду жить в одном доме с этой шлюхой.

ЛЕВ. Она не шлюха, она обычная крестьянка. Вина целиком моя. В этих вопросах мы должны научиться вести себя по-христиански.

СОНЯ. Именно так я себя и веду. Мне хочется распять эту суку.

(Убегает. Дневники летят во все стороны. ЛЕВ стоит, глядя ей вслед, потом опускается на колени, собирает дневники, кладет обратно на стол).

ТОЛСТОЙ. И все-таки, даже шокированная, ты вышла за меня.

ГРАФИНЯ. Я так тебя любила, что ничего не могла с собой поделать. И как ты заставил меня за это страдать! Все верят, что ты – святой. Никто не видит, как ты жесток.

ТОЛСТОЙ. Я жесток, потому что сказал правду своей жене?

ГРАФИНЯ. Ты сказал мне правду, чтобы потрафить своему тщеславию. Ты хотел посмотреть на мои страдания. А потом, как раз перед отъездом в Ясную Поляну, ты возгордился до такой степени, что счел возможным упомянуть о своих сомнениях, мол, правильно ли поступил, женившись на мне.

ЛИЗА *(тащит тяжелый чемодан)*. И не уговаривай, Соня, не пойду я на твою глупую свадьбу. И где, черт побери, слуги? Не моя это работа, таскать твои чертовы чемоданы. Что у тебя в этом? Орудийные ядра? *(Поворачивается и видит ЛЬВА)*. А-А-А-А!

СОНЯ *(входит)*. Лиза, чего ты... *(ЛИЗА указывает на ЛЬВА. СОНЯ смотрит на него и кричит)*. А-А-А-А-А!

ЛИЗА. Что ты здесь делаешь? Пришел, чтобы мучить меня? Чудовище! Чудовище! Сейчас меня опять вырвет! *(Убегает)*.

СОНЯ. Лев, ты не должен видеть меня в день свадьбы.

ЛЕВ. Ничего не смог с собой поделать. Должен был увидеть.

СОНЯ. После свадьбы ты будешь видеть меня каждый день до конца своей жизни.

ЛЕВ. Именно это меня и тревожит.

СОНЯ. Не поняла.

ЛЕВ. Соня. Я засомневался.

СОНЯ. Засомневался? Ты засомневался? Засомневался в том, что любишь меня?

ЛЕВ. Нет. В том, что ты любишь меня.

СОНЯ. Ты сомневаешься, что я тебя люблю? Я прочитала эти отвратительные дневники и по-прежнему хочу выйти за тебя, а ты сомневаешься, что я тебя люблю?

ЛЕВ. Говоришь ты не как влюбленная женщина. Голос твой полон негодования.

СОНЯ (*садится на чемодан, обхватывает голову руками*). Конечно, меня переполняет негодование. Тебе повезло. Я уже запаковала папенькины дуэльные пистолеты, а не то пристрелила бы тебя в коридоре.

ЛЕВ. Ты слышишь себя? Слышишь ненависть в своем голосе? Не предвещает это счастливой семейной жизни.

СОНЯ. Послушай, Лев. Я тебя люблю. Никто мне не нужен, кроме тебя. Но ты должен поставить меня выше свои страхов и сомнений, своих шлюх и всего остального. Ты понимаешь? Ты должен выбрать, и должен выбрать прямо сейчас, потому что выбор этот на всю жизнь. Так хочешь ты меня или нет?

ЛЕВ. Не думаю, что я смогу жить без тебя. Без тебя я сойду с ума.

СОНЯ. Прекрасно. Увидимся на свадьбе. (*Встает и утаскивает чемодан*).

ГРАФИНЯ. Ты сказал, что сойдешь без меня с ума.

ТОЛСТОЙ. В итоге мы поженились, и с ума сошла ты.

ГРАФИНЯ. Ты сведешь с ума и фонарный столб. Когда ты не появился вовремя на свадьбе, я решила, что ты в очередной раз передумал и сбежал во Францию.

ЛЕВ. Я не мог найти рубашку. Борис, где мои рубашки? Все мои чистые рубашки запаковали в чемоданы. Разве я могу жениться в грязной, воняющей рубашке. (*Убегает на поиски рубашки*).

ТОЛСТОЙ. Следовало мне сбежать. Я почти что сбежал. Когда подошел к двери церкви, услышал за ней стоны и рыдания и подумал, что по ошибке попал на похороны. Твои родственники вели себя так, будто тебя отправляли на казнь. На самом деле на казнь отправляли меня.

ГРАФИНЯ. А потом ты привез меня в этот Богом забытое место.

ТОЛСТОЙ. Ты полюбила этот дом.

ГРАФИНЯ. Я научилась любить то, что от него осталось после того, как из него вынесли все лучшее, чтобы расплатиться по твоим карточным долгам. Приехав туда, я нашла лес сорняков и лабиринт маленьких, сырых комнат. Слуги спали в коридорах. Ты так любил крестьян, что даже не удосужился обустроить им спальни.

ТОЛСТОЙ. Я не знал, что им требовались спальни.

ГРАФИНЯ. Ты думал, им нравится спать на полу. И все было такое грязное. Везде земля. И миллионы мышей. Всю ночь я слышала, как они шуршат в стенах, а мышеловки хлопали по всему дому. Привезти меня в такое место, а потом, в нашу брачную ночь, ожидать, что я разденусь догола и позволю тебе скакать на мне, как обезумевшему бабуину. Кошмар, да и только.

ТОЛСТОЙ. Не помню я никакого кошмара.

ЛЕВ (*появляется на сцене, идет к кровати, садится*). Соня? Что не так? Иди в постель.

СОНЯ (*за сценой*). Не хочу спать.

ЛЕВ. Не будем мы спать. Соня? Выйдешь ты, наконец, оттуда?

СОНЯ (*появляется, очень нервничает*). Но ко мне не приближайся.

ЛЕВ. Бояться тебе нечего.

СОНЯ. Я и не боюсь. Я в ужасе.

ЛЕВ. Это же самое естественное, что только может быть на свете. Физическое проявление любви, которую мы чувствуем друг к другу. Ты же чувствуешь, так?

СОНЯ. Проблема не в том, что я не чувствую, наоборот, чувствую слишком сильно. И я тревожусь. Если подойду слишком близко к тебе, если решусь на физический контакт, если предстану перед тобой обнаженной, произойдет что-то вроде эмоционального поглощения, ты пожрешь меня, или моя любовь к тебе пожрет меня, и отдавшись тебе, я потеряю тебя навсегда.

ЛЕВ. Как ты можешь меня потерять?

СОНЯ. В страсти человек пропадает. Становится кем-то еще.

ЛЕВ. Что ты знаешь о страсти?

СОНЯ. Я много знаю о страсти, потому что я прочитала твои дневники, и потому что столь долго отчаянно и безнадежно любила тебя, ощущая себя такой несчастной, и потому что так злилась на тебя, и так надеялась, и испытывала такой страх. Боялась, что познав меня в моей наготе, ты уже никогда не будешь любить меня, как, по твоему разумению, любишь теперь. Именно это я почерпнула из твоих дневников. На сексе любовь заканчивается.

ЛЕВ. Любовь не заканчивается никогда.

СОНЯ. Вот это как раз чушь. Любовь всегда заканчивается. Смерть ставит последнюю точку.

ЛЕВ. Нет, если верить в жизнь после смерти.

СОНЯ. Ты в это веришь?

ЛЕВ. Я верю, что вечность внутри каждого.

СОНЯ. Тогда Бог внутри меня, и если Бог – это любовь, и Бог внутри меня, Он умрет вместе со мной, и умрет любовь. Это ужасно, любить смертное существо. Тем не менее, человек любит, не может не любить. Но сам акт любви всегда убивает любовь в другом человеке.

ЛЕВ. Это глупость.

СОНЯ. Не говори мне, что я глупа. Я прочитала твои дневники более внимательно, чем ты сам, и я знаю, что это правда. Вернейший способ убить любовь другого человека – вернуть ее. Вот почему я буду любить тебя вечно, поскольку никогда не будет у меня уверенности, что ты любишь меня.

ЛЕВ. Соня, у тебя одна проблема – ты слишком много думаешь.

СОНЯ. Для женщины?

ЛЕВ. Для десяти человек.

СОНЯ. А ты много не думаешь?

ЛЕВ. Когда совокупаюсь – нет. Собственно, об этом и речь. Физическая любовь соединяет нас в вечном, сакральном процессе жизни. Мы не должны этого бояться. Мы должны принимать и наслаждаться. А теперь иди в постель.

СОНЯ. Ты действительно меня любишь?

ЛЕВ. Я тебя обожаю.

СОНЯ. Да, но ты меня любишь?

ЛЕВ. Да. Я тебя люблю.

СОНЯ. И больше никого не любишь?

ЛЕВ. Бог учит нас любить всех.

СОНЯ. Я не хочу, чтобы ты любил всех. Я хочу, чтобы ты любил только меня.

ЛЕВ. Я люблю остальных, как любят живых существ. Я люблю тебя, как муж любит жену свою. Такой, как ты, в мире больше нет. И никогда не будет.

СОНЯ. Но когда ты овладеешь мною, я стану такой же, как остальные. Ты напишешь обо мне в своем дневнике, а потом забудешь.

ЛЕВ. Почему бы тебе не прийти в постель, а поговорить мы сможем и потом.

СОНЯ. Пообещай, что никогда не будешь испытывать ко мне ненависти.

ЛЕВ. Я никогда не буду испытывать к тебе ненависти.

СОНЯ. Ты клянешься? Я не поверю тебе, пока ты не поклянешься.

ЛЕВ. Я не верю в клятвы, да и в проклятия.

СОНЯ. Значит, ты не клянешься?

ЛЕВ. Я никогда не буду испытывать к тебе ненависти. Я всегда буду тебя любить. Всегда, до самой смерти, и потом тоже. Ты всегда будешь моей женой, и я всегда буду тебя любить, и никто никогда не займет твое место. Ты мне веришь?

СОНЯ. Нет. Ты не поклялся, и я не могу поверить. Какая ужасная брачная ночь.

ЛЕВ. Она еще не закончилась.

(Он целует ее, поцелуй долгий и нежный, они падают на кровать, СОНЯ наверху, потом скатывается и исчезает за кроватью).

ТОЛСТОЙ. Я помню, что наша брачная ночь прошла прекрасно, особенно после того, как тебе удалось немного расслабиться.

ГРАФИНЯ. Я не расслабилась. Просто заснула.

ТОЛСТОЙ. Тогда мы были счастливы, поначалу. Так?

СОНЯ *(появляется, в ярости)*. Я этого не вынесу. Не вынесу.

ЛЕВ. Что? Что теперь не так?

СОНЯ. Куда бы я ни посмотрю, везде она со своим маленьким убудком. Моет пол, проветривает наши подушки и одеяла. Я никуда не хожу из страха наткнуться на нее. Я не могу никуда поехать, потому что она всегда стоит на обочине, глядя на меня большими, грустными глазами, прижимая к груди своего уродливого ребенка. Никогда мне так сильно не хотелось убить.

ЛЕВ. Соня, ревность унижает тебя.

СОНЯ. А проститутки – тебя. Но ты к ним бегал.

ЛЕВ. Когда-то. Теперь – нет.

СОНЯ. В моих мыслях бегаешь и теперь. Иногда я так злюсь на тебя, что хочу уничтожить все, сжечь твои дневники, сжечь все, что ты написал. Прошлой ночью мне снилось, что я в саду, полном прекрасных крестьянок, и она приходит в этом сад, с твоим ребенком на руках. И такая ярость к ней наполняет меня, что я выхватываю у нее ребенка и начинаю раздирать на части. Отрываю руки, ноги, наконец, голову. Кричу и кричу в ярости, а мое платье залито кровью. Я постоянно о ней думаю.

ЛЕВ. Это болезнь. Не желаю этого слышать.

СОНЯ. Куда ты собрался?

ЛЕВ. Хочу объехать наши поля.

СОНЯ. Собираешься встретиться с ней, так?

ЛЕВ. Что за глупость.

СОНЯ. Это не глупость. Там ты с ней встречался. Тебе нравилось совокуплять с ней в стоге сена. И не пытайся отрицать. Могу процитировать твои дневники слово в слово.

ЛЕВ. Но теперь я женат. На тебе.

СОНЯ. В твоём дневнике написано, что ты ощущал себя женатым на ней, но ты ее предал и женился на мне. И что удержит тебя от измены мне? Ты пойдешь в поле, и вы будете валяться с ней в сене, как две свиньи. Что ж, иди. Ей это нравится. Мне – нет. Когда ты делаешь это со мной, мне противно. Я нахожу это отвратительным. И я знаю, что при этом ты думаешь о ней.

ЛЕВ. Ни о ком я не думаю.

СОНЯ. Уйди от меня. Не прикасайся ко мне. Ты ужасен.

(Садится за письменный стол, рыдает, положив голову на руки. ЛЕВ смотрит на нее, колеблется, потом поворачивается и уходит).

ГРАФИНЯ. И я была права. Ты хочешь ее. Даже теперь ты хочешь ее.

ТОЛСТОЙ. Соня, она теперь старая женщина.

ГРАФИНЯ. У тебя в голове – нет. В твоих историях она по-прежнему соблазнительная крестьянская девушка с загорелыми ногами. Ты даже не меняешь ей имя. Думаешь, я – дура? Думаешь, я не вижу, что ты до сих пор хочешь ее? *(Вытирает глаза и начинает что-то пересыывать).*

ТОЛСТОЙ. Ты на двадцать лет моложе и по-прежнему красивая. Ей восемьдесят, и у нее нет зубов.

ГРАФИНЯ. Она – женщина в твоём разуме, а я нет.

ТОЛСТОЙ. Нет, ты – женщина, которая всегда кричит на меня. И наступит день, когда я выйду в поле и приставлю револьвер к виску.

ГРАФИНЯ. Подожди. Я принесу патроны.

ТОЛСТОЙ. Да, ты хочешь моей смерти. Тогда я буду полностью принадлежать тебе. Ты такая эгоистка.

ГРАФИНЯ. Это я эгоистка? А кто провел тысячи часов, переписывая «Войну и мир», расшифровывая твои ужасные каракули?

ТОЛСТОЙ. Никто не заставлял тебя это делать.

ГРАФИНЯ. Никто, кроме меня, не способен разобрать твой почерк. Ты пишешь, как курица лапой. Из года в год каждый вечер я переписывала написанное тобой. Чуть не ослепла. Спина согнулась навеки. И едва закончив главу, мне приходилось браться за нее снова, потому что ты правил и правил текст, тысячи и тысячи страниц. И что я за это получила? Ты – великий писатель, гений. Я – всего лишь твоя безумная жена.

ЛЕВ (*приносит толстую пачку исписанных и во многих местах перечеркнутых листов*). Вот еще одна глава.

СОНЯ. Главы о людях пролетают молнией, а вот исторические и философские отрывки...

ЛЕВ. Что не так с философскими отрывками?

СОНЯ. Читать их все равно, что наблюдать за свертывающейся кровью.

ЛЕВ. Ты думаешь, мой роман скучный?

СОНЯ. Твой роман прекрасный. Я смеюсь и трепещу, когда переписываю его, но это люди, за которых боюсь, надеюсь, что все у них будет хорошо, которых люблю. Когда ты начинаешь проповедовать по части истории, мне приходится щипать себя, чтобы не уснуть. Тебе следует в большей степени сосредоточиться на людях и уделять меньше внимания истории. Люди имеют значение.

ЛЕВ. История имеет значение.

СОНЯ. Люди и есть история. Именно так она пишется. Нас волнует история, потому что волнуют люди. Когда твоя книга втягивает меня в жизни конкретных людей, я абсолютно зачарована, забываю обо всем на свете. Но в ту самую минуту, когда ты вновь начинаешь проповедовать или выдвигать глобальные теории, ты перестаешь быть человеком. Я люблю того мужчину, которые создает столь яркие, живые образы и относится к ним с таким состраданием. Остальное – большой костяной шар абстракций. Этого не любит никто. (*Пауза*). Тебе сейчас хочется ударить меня?

ЛЕВ. Нет. Возможно, ты права. Но, боюсь, с этим ничего поделать нельзя.

СОНЯ. Разумеется, можно. Почему бы не писать то, что хочется?

ЛЕВ. Именно так. (*Поворачивается и уходит*).

СОНЯ. Что? Что именно так?

ГРАФИНЯ. У тебя всегда шла война между теплотой, человечностью, состраданием и фатальной тенденцией восхвалять абстракцию, этой холодности в тебе.

ТОЛСТОЙ. Я не холодный. Когда я бывал холодным?

ЛЕВ (*возвращается, в шубе и ушанке*). Господи, как я замерз.

СОНЯ. Где ты был?

ЛЕВ. Ездил в город.

СОНЯ. Чтобы повидаться с женщиной?

ЛЕВ. Нет. Хотя, да. Но она умерла.

СОНЯ. Теперь ты спишь с мертвыми женщинами?

ЛЕВ. Экономка Бибилова бросилась под поезд.

СОНЯ. Анна?

ЛЕВ. Да, Анна.

СОНЯ. Как ужасно. Почему она это сделала?

ЛЕВ. Потому что Бибиков сошелся со своей прекрасной гувернанткой, этой немкой. Когда Анне стало об этом известно, она пошла на станцию и бросилась под колеса поезда.

СОНЯ. И ты пошел, чтобы посмотреть на нее?

ЛЕВ. Я пошел на осмотр трупа. Ее останки перенесли в какой-то сарай у станции. Она лежала там голой, с разможенным черепом, изувеченным телом. Ужасное зрелище.

СОНЯ. Тогда почему ты туда поехал?

ЛЕВ. Не знаю.

СОНЯ. Ты поедешь, куда угодно, чтобы посмотреть на голую женщину, даже если она побывала под колесами поезда. Это идеальное сочетание всех твоих навязчивостей: страдание и измена, обнаженная женщина, толпа мужчин, глазеющих на нее, ощущающих свое превосходство и возбуждение одновременно. Это твоя идея рая. И, конечно, все это мы прочитаем в твоей следующей книге.

ЛЕВ. Ты меня не знаешь. Совершенно не знаешь.

ГРАФИНЯ. Но это было в твоей следующей книге. (*ЛЕВ садится за стол, начинает писать*). Ты всегда был людоедом. Все писатели – людоеды.

СОНЯ. Думаю, именно так я и умру. Под колесами поезда.

ЛЕВ. Ты умрешь в собственной постели.

СОНЯ. Только если ты меня там убьешь.

(*Уходит. ЛЕВ остается за столом, пишет*).

ГРАФИНЯ. Я до сих пор верю, что умру, как Анна Каренина.

ТОЛСТОЙ. Не говори о тех гротескных старых книгах. Теперь мне за них стыдно.

ГРАФИНЯ. Тебе стыдно за «Анна Каренину»? Тебе стыдно за «Войну и мир»? Эти гротескные старые книги обогатили нас.

ТОЛСТОЙ. Именно поэтому я терпеть не могу о них говорить.

ГРАФИНЯ. Ты написал эти гротескные старые книги, прежде чем рехнулся до такой степени, что захотел отказаться от авторских прав и раздать все свои деньги.

ТОЛСТОЙ. Если это мои деньги, я могу поступать с ними, как пожелаю.

ГРАФИНЯ. Это наследство твоих детей.

ТОЛСТОЙ. В этом заключается твоя великая любовь ко мне? В отчаянном желании заполучить мои деньги, когда я умру?

ГРАФИНЯ. Ты хочешь, чтобы твои дети голодали? Стыд и позор.

ТОЛСТОЙ. Я не собираюсь облегчать жизнь моим детям, оставляя им деньги. Незачем мне развращать их души. Лучше подать им добрый пример, раздав все.

ГРАФИНЯ. Если ты лишишь их наследства, они до конца своих дней будут ненавидеть тебя.

ТОЛСТОЙ. Мои дети сами должны найти путь к спасению. Деньги туманят перспективу. И гораздо лучше смотреть на жизнь ясными глазами, без иллюзий.

ГРАФИНЯ. Ты писатель. Вся твоя жизнь сложена из иллюзий.

ТОЛСТОЙ. Когда я писал ради славы и денег, это была иллюзия. Это грех, писать ради денег. Грех. (*ЛЕВ перестает писать и охватывает голову руками*).

ГРАФИНЯ. А раздавать наследство детей – не грех? Ты не думаешь, что это высшая, самая непристойная форма самовлюбленности?

ТОЛСТОЙ. Ты никогда не понимала меня.

ГРАФИНЯ. Я понимаю, что ты всегда воспринимал семью отвлечением, помехой на твоём глупом пути к тому, что ты называл спасением.

СОНЯ (*возвращаясь*). Что с тобой? Почему ты рвешь волосы на голове?

ЛЕВ. Соня, я в таком отчаянии.

СОНЯ. Из-за чего? Сдохла еще одна лошадь?

ЛЕВ. Из-за своей жизни. Я спрятал все веревки, чтобы не было искушения повеситься.

СОНЯ. Почему тебе хочется повеситься?

ЛЕВ. Я не охочусь из страха, что суну дуло в рот и нажму на спусковой крючок.

СОНЯ. Лев, да что ты такое говоришь?

ЛЕВ. Я пришел к осознанию, что жизнь бессмысленна.

СОНЯ. Ты хочешь сказать, что понял это только сейчас? Тот еще ты гений. Все это знают. Если у тебя меланхолия, напиши еще один великий скучный роман. Куда потратить деньги, мы найдем.

ЛЕВ. Не помогает. Искусство не помогает. Наука не помогает. Религия не помогает.

СОНЯ. Знаешь, протирать штаны, поскуливая, тоже не помогает. Почему бы тебе не выйти из дома и не посадить картошку? Обычно тебя это бодрит. А если у тебя действительно депрессия, совокупись со мной в гардеробной для постельного белья. Это срабатывает всегда.

ЛЕВ. Совокупиться? Ты думаешь, совокупление все может наладить?

СОНЯ. Для тебя – да. Мне – без разницы.

ЛЕВ. Невысокого ты обо мне мнения.

СОНЯ. Значит, совокупляться ты не хочешь?

ЛЕВ. Нет, хочу. Я лишь оскорблен тем, что ты считаешь меня такой пустышкой.

СОНЯ. Если ты оскорблен, может, обойдемся без совокупления?

ЛЕВ. Давай продолжим дискуссию в гардеробной. *(Хватает за руку и уводит со сцены).*

ТОЛСТОЙ. И по своему, ты была права. В этом мире мало что имеет значение. Разве что работа и любовь. Они важны всегда. И ответ на это следовало искать в жизни крестьян.

ГРАФИНЯ. Все крестьяне думают, что ты безумен. Посмотрите на барина. Он идет в поле сажать картошку.

ТОЛСТОЙ. Они понимают меня гораздо лучше, чем ты.

ГРАФИНЯ. Они знают, что скирдовать сено забавы ради может только псих. Ты потратил восемь месяцев жизни, чтобы научиться тачать сапоги. Почему, скажи на милость, ты захотел изготовить себе сапоги? Ты даже не смог в них ходить. И добился только одного – отнял хлеб у детей сапожника и загубил свои ноги.

ТОЛСТОЙ. Что не так с моими ногами?

ГРАФИНЯ. Они выглядят, как лапы ящерицы. Когда-то ты был великим писателем. Эгоистичным, невозможным в общении, но ты создавал великие книги и содержал семью. Теперь ты не пишешь ничего, кроме мистической чуши, и хочешь раздать все, чтобы твои дети жили, как крестьяне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.